

ОККУПАЦИОННАЯ ДОКТРИНА В СТРАНАХ БАЛТИИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

© 2011 г. Ренальд Хикарович Симонян¹

Краткая аннотация: в статье рассматривается происхождение мифа об оккупации, сложившегося в массовом сознании народов стран Балтии, анализируются сущность и содержание понятия “оккупация” как категории международного права.

Annotation: the article discusses the origin of the myth of the occupation that has developed in the mass consciousness of the peoples of the Baltic countries, examines the nature and content of the concept of “occupation” as a category of international law.

Ключевые слова: “Пакт Молотова–Риббентропа”, секретный протокол, политический нажим, вынужденное согласие на увеличение военных гарнизонов, инкорпорация.

Key words: “Molotov–Ribbentrop Pact”, a secret protocol, political pressure forced consent to an increase in military garrisons, incorporation.

В отношениях между Россией и странами Балтии за последние 20 лет сложилось множество мифов, заблуждений и ложных представлений. Прежде всего это относится к периоду 1939–1940 гг., когда происходили события, предшествовавшие вхождению этих стран в состав Советского Союза, и ещё более – к самой процедуре этого вхождения. Точкой отсчёта и узловым моментом в описании и анализе этих событий, по практически единодушному мнению как прибалтийских, так и западных авторов, является “пакт Молотова–Риббентропа”. Но между Германией и СССР был заключён Договор о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г. по итогам советско-германских переговоров и ратифицированный Верховным Советом СССР 31 августа 1939 г. Именно под таким названием этот документ был опубликован, в таком виде он прошёл процедуру промульгации, ратификации высшими органами законодательной власти, таким он значится во всех без исключения сборниках документов, так его называют все, для кого точность является неперенным профессиональным требованием. Так, Г. Кисинджер в своей “Дипломатии”, не скрывая отрицательного личного отношения к советско-германским договорённостям 1939 г., тем не менее, в двух специальных разделах, посвящённых этой проблеме, ни разу не отходит от точного наименования этого межгосударственного соглашения². Но в публикациях большинства авторов документ фигурирует как “пакт Моло-

това–Риббентропа”. Этот термин возник в конце 1946 г., когда в соответствии с соглашениями США, Англии и СССР германские политические документы стали собственностью держав-победителей, и с тех пор превратился в публицистическое клише с чётко выраженной негативной коннотацией. Ещё П. Бурдьё отмечал, что уже “само обозначение общественного явления служит эффективным механизмом управления массовым поведением”³. В послевоенной исторической хронологии появление этого словосочетания в западной политической периодике можно считать своеобразным индикатором начавшихся перемен в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции, вестником приближающейся “холодной войны”.

В истории международного права существуют договорные документы, обладающие безоговорочной легитимностью, когда персонализированное название документа официально определено при его подписании, при промульгации и при ратификации. В качестве примера можно привести Пакт Бриана–Келлога 1928 г. – многосторонний договор об отказе от войны; Договор Вебстера–Ашбертона 1842 г., урегулировавший спор из-за границ США и Канады; протокол Лобанова–Ямагаты 1890 г. – по корейскому вопросу; соглашение Мак-Магона–Хуссейна об участии арабов в Первой мировой войне и многие другие. Юридически признаваемым является также персонализированное наименование договорного документа, если оно официально зафиксировано в качестве параллельного названия одного и того

¹ Руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, доктор социологических наук (E-mail: sim@isras.ru).

² См.: Г. Кисинджер. Дипломатия. М., 1997. С. 286–332.

³ Bourdieu P. La Reproduction. Elements pour une theorie du système d'enseignement. Paris, 1970. P. 109.

же документа, например Договор Гондра 1923 г. – Договор о предотвращении конфликтов между американскими государствами; Договор Джея – американо-английский Договор о дружбе, торговле и мореплавании 1874 г. и т.д.

Юридически нелегитимными являются наименования договорных документов, появившихся вне правового поля, в произвольных версиях политиков и журналистов. Именно таким и является термин “пакт Молотова–Риббентропа”. В России он появился в конце 80-х годов, когда горбачёвская “перестройка” вышла на свой последний, агонизирующий этап, предшествующий распаду СССР. Его внедрению в повседневный обиход помог исторический фон – отрицание коммунистического наследия в обществе тогда было столь велико, что ярко выраженный негативный оттенок этой фразеологемы вполне соответствовал эмоциональному состоянию советского общества, особенно его либерально-демократической части. Да и руководители Советского Союза во время “перестройки” были заняты иными заботами, им было не до юридических тонкостей в процессе “преобразований” унитарного государства в “ленинскую федерацию”. Таким образом, не исправленная вовремя ошибка породила не только предубеждения, но и социальные установки. В хлестком словосочетании “пакт Молотова–Риббентропа” имплицитно содержался взрывной заряд или по меньшей мере моральное оправдание решительных действий по низвержению всей без исключения атрибутики тоталитарного государства.

Этому способствовал приложенный к договору секретный протокол. Сам по себе договор был вполне традиционным, можно сказать, классическим договором в ряду других договоров между двумя европейскими государствами. Он не содержал ничего иного, что было принято в аналогичных международных документах. В семи его статьях содержатся достаточно банальные взаимные обязательства: “воздерживаться от всякого насилия, от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга; в случае нападения на одну из сторон третьей стороны не оказывать поддержки напавшей стороне; информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы, не участвовать в группировках держав, направленных против одной из сторон; разрешать споры и конфликты между собой мирным путём”⁴. Это был обычный с точки зрения международного права документ. Кстати, в тот период аналогичными взаимными обязательствами Германия об-

менялась с Польшей (1934), Англией и Францией (1938), с Латвией, Литвой и Эстонией (1939).

Что же касается секретного протокола, то, несмотря на отсутствие подлинника и наличия нескольких отличающихся друг от друга копий (что вызвало многочисленные претензии и недоверие к ним), реальность его не вызывает сомнений. После подписания базового Договора о ненападении его авторы могли договориться или устно, или письменно. И если письменно, то тогда можно считать протокол составной частью договорённости и, следовательно, входящим в пакет принятых ими документов в качестве их составной части. Но юридически таковым он перестал быть тогда, когда оказался изъятым из процедур ратификации и промульгации. А именно так это и произошло, если считать, что протокол существовал. В этом случае с точки зрения международного права протокол не может претендовать на юридически легитимный документ, хотя и не противоречит существующей практике тайных соглашений между руководителями государств. Конфиденциальные договорённости между государствами, тем более между ведущими мировыми державами, – реальность внешней политики. Считать, что подобные конфиденциальные переговоры и соглашения между большими странами о сферах влияния не происходят в наши дни, политически наивно. И не всегда тайные соглашения становились достоянием общественности. Даже спустя не только десятилетия, но и века. К примеру, до сих пор не преданы гласности секретные статьи Тильзитского мира 1807 г., заключённого между российским императором Александром I и французским императором Наполеоном Бонапартом.

И по существу, и по форме секретный протокол представляет собой не что иное, как соглашение о сферах влияния двух могущественных государств. В ст. I сохранившейся машинописной копии протокола записано, что “в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими странами”⁵. Но в протоколе

⁴ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 319, 320.

⁵ АВП СССР. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 77. Л. 1, 2. Следует обратить внимание на последнюю фразу приведённой цитаты. Обе стороны согласились отобрать у Польши Виленский край и вернуть Литве её древнюю столицу – город Вильнюс, т.е. учли “интересы Литвы”. Разумеется, в секретном протоколе учитывались прежде всего интересы СССР и Германии, за что он предан анафеме в странах Балтии. Но против возвращения Виленского края Литве, насколько известно, там никто не возражал.

не говорится ничего о том, каким образом и когда конкретно это переустройство будет осуществлено. Если бы СССР отказался от осуществления увеличения своей сферы влияния простым расширением территории государства или использовал для этого только корректные политические рычаги (это было, кстати, не только вполне достижимо, но и более целесообразно, что показали последующие события), то не было бы сейчас ни у кого оснований говорить о секретном протоколе как о каком-то преступлении.

Значительно осложнило ситуацию то, что наличие секретных протоколов к советско-германскому соглашению 1939 г., о которых знала широкая общественность Балтии, упрямо отрицалось советским руководством вплоть до самого что ни на есть последнего момента. Так, заведующий международным отделом ЦК КПСС В. Фалин в интервью 19 декабря 1989 г. категорически отрицал наличие секретного протокола в мирном договоре с Германией, а через пять дней, 24 декабря 1989 года, II Съезд народных депутатов СССР признал и осудил этот протокол. Свойственная тоталитарным режимам практика максимального сокрытия информации, упорное отрицание очевидных событий (вроде расстрела польской офицерской элиты в Катынском лесу) сыграли злую шутку, ибо со временем этот протокол превратился в массовом сознании прибалтов в какой-то чудовищный документ-монстр, хотя он был не чем иным, как обычным в то время (да и в нынешнее тоже) циничным соглашением между большими государствами.

Существование “секретного протокола” для большинства жителей Прибалтики и в дореволюционные времена было “секретом Полишинеля”. О нём знали практически все, кто мало-мальски интересовался этим периодом отечественной истории. Постоянно напоминали об этом зарубежные “радиоголоса”. Но советское руководство этого как будто не замечало. “Весь трагизм ситуации состоял в том, что до I Съезда народных депутатов, где так остро был поставлен вопрос о “секретном протоколе”, – пишет бывший заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС А.С. Капто, – Политбюро проявило просто поразительную политическую несостоятельность. Получая с 1987 г. постоянные просьбы от Войцеха Ярузельского прояснить проблему “секретного протокола” и “дело Катыни” и будучи информировано о фактах обострения ситуации вокруг “секретного протокола” не только внутри страны, но и в мировом сообществе, Политбюро не смогло решить эту проблему, а лишь “утопи-

ло” её в различных “поручениях”, “комиссиях”, “согласованиях”, “обмена мнениями”. Поражала потрясающая неадекватность замедленных, как на киноплёнке, и расплывчато-неопределённых действий партийного руководства в ответ на бурный напор политического вулкана в обществе”⁶.

Германия и СССР как две ведущие европейские державы договорились о разделе сфер влияния в Восточной Европе, решая участь Прибалтийских стран. А что принципиально иное произошло со странами Восточной Европы после Второй мировой войны? СССР, Великобритания и США, победившие Германию, договорились о разделе зон влияния в той же Восточной Европе. Польша, Венгрия, Чехословакия и другие страны оказались в зоне влияния СССР, а вот Финляндия этой участи избежала. На эту достаточно очевидную аналогию Ялтинских соглашений стран антигитлеровской коалиции при оценке событий 1939 г. обращают внимание как российские, так и зарубежные, в том числе и балтийские, историки и правоведы.

Само по себе подписание “секретного протокола”, как и других подобных соглашений, не является преступлением. Преступный момент – сталинские злодеяния, последовавшие за этим событием, не собственно секретный протокол, а его последствия. То, что случилось со странами Балтии в дальнейшем, эмоционально было воспринято очень остро. В массовом сознании народов Балтии за прошедшие десятилетия произошло **совмещение** собственно исторического эпизода и его последствий. Или, точнее, **последствия** вхождения балтийских республик в состав СССР затмили саму **процедуру** вхождения, вытеснили её на периферию общественного интереса. Сталинские репрессии (расстрелы, депортации, лишение прав, “раскулачивание” и т.п.) глубоко отложились в исторической памяти малочисленных народов Прибалтики. Отсюда многие мифы в массовом сознании населения этих стран и соответствующие психологические и идеологические установки. К ряду этих мифов можно отнести и оккупационную доктрину. В подготовке для неё морально-психологической основы “Молотов – Риббентроп пакт” (именно так он именуется в странах Балтии) сыграл свою определяющую роль.

Была ли оккупация или её не было – вопрос, который сегодня активно дискутируется, во многом искусственный, противоречащий здравому

⁶ *Капто А.С.* Пакт Молотова–Риббентропа: мистификация или реальность. М., 2009. С. 67.

смыслу. Действительно, что это за оккупация, когда власть не только никак не ущемила прав “оккупируемых” по сравнению с правами “окупантов”, не ввела никакого “оккупационного режима” на их территории, не назначила сюда в качестве военной администрации своих генерал-губернаторов (как это делала, например, Германия, назначив на оккупированных территориях гауляйтеров), не ввела других соответствующих оккупационному режиму атрибутов, а решение о вступлении в СССР приняли в 1940 г. **легитимные органы власти** – парламенты Латвии, Литвы и Эстонии, избранные на основе действовавших в этих странах законов, в отличие, кстати, от решения о независимости этих республик в 1990 г. в Литовской ССР, в 1991 г. Латвийской ССР и Эстонской ССР, которое было принято Верховными Советами этих республик, т.е. органами “оккупационного режима”, что переводит дискуссию об оккупации в плоскость политического курьёза. И наконец, что это за оккупация, когда “окупанты” последовательно осуществляют преимущественное инвестирование “оккупированных” территорий и повышение уровня жизни их населения в ущерб собственному народу, развивают там национальную культуру, несмотря на то, что деградирует собственная? Например, “оккупированная” Латвия с населением в 2,5 млн. человек получала в советское время из госбюджета в три раза больше, чем Воронежская область с населением в 2,6 млн. человек. В советской Прибалтике был не только самый высокий уровень доходов, но и условия жизни здесь были более комфортными, чем в других регионах Советского Союза, даже давление идеологического пресса ощущалось значительно меньше.

Опережающее развитие национальных республик и автономий было стратегической линией Центра в Советском Союзе. Так, в соответствии с Законом о бюджете СССР ещё в первое послевоенное десятилетие Россия оставляла у себя 50% полученных ею доходов, Украина и Белоруссия – по 55%, а все остальные республики – по 100% да ещё получали субсидии из Центра. И это осуществлялось в то время, когда республики-доноры, понесшие наибольший урон во время Второй мировой войны, восстанавливали свою экономику. Такова была реальность.

При этом следует подчеркнуть, что здравый смысл всё же не позволяет нынешнему прибалтийскому истеблишменту не учитывать абсурдность оккупационной доктрины. Словосочетание “оккупационный период” навязчиво эксплуатируется и в лексиконе политиков, и в масс-медиа,

но только до тех пор, пока оно не сталкивается с реальностью. Так, широко отмеченное осенью 2005 г. 60-летие системы образования музыкальных школ в Эстонии (в буржуазной Эстонии ничего подобного не было) даже самые праворадикальные газеты относили не к “периоду оккупации”, а к “советскому периоду”. Точно так же праздновался 60-летний юбилей образования мужского хора Эстонии, 20-летие Национальной библиотеки Эстонии – лучшей в то время в СССР (да и сейчас ей нет равных ни в одной из стран постсоветского пространства), многих других достижений культуры, созданных в советский (не в “оккупационный”!) период, или широко отмеченный в 2006 г. 50-летний юбилей получившего международное признание эстонского балета. Этот предмет гордости сегодняшней Эстонии был создан в СССР усилиями прославленных ленинградских балетмейстеров. “Сумеете ли вы представить себе, – писал в дни юбилея эстонский публицист К. Кяспер, – чтобы Гитлер тратил большие суммы на поднятие уровня французского балета, в то время как у баварских бюргеров в магазинах не было колбасы”⁷.

Можно и дальше продолжать иронизировать над надуманностью этой дефиниции. Русские в СССР не имели никаких преимуществ перед титульными жителями Прибалтики. Наоборот, в целом положение русских в СССР было значительно хуже, чем положение представителей титульных этносов в союзных республиках. Это признают и западные социологи. “В глазах многих русских, – отмечает известный немецкий социолог Ян Экберт, – нерусские были привилегированными в системе национальных республик, в то же время многие нерусские называли советскую систему русской империей”⁸. Недавно на международной конференции в Калининграде, посвящённой российско-литовским отношениям, депутат Сейма Литвы Ю. Вяселка, аргументированно возражая сторонникам оккупационной доктрины, рассказал о том, как в советские годы его поразили резкий контраст между благополучной Литвой и обездоленным российским северо-западом⁹. Таким образом, если СССР и был империей, то она была очень странная – империя наоборот, в кото-

⁷ SL Õhtuleht. Tallinn, 24 нояб. 2006. Р. 5.

⁸ Экберт Я. Исследования проблем мира в период и после конфликта “Восток – Запад”. Статьи последних 20 лет. М., 1997. С. 286.

⁹ См.: Литовско-российские отношения: эмоции или рациональность? Материалы конференции, Балтийский государственный университет им. И. Канта. Калининград, 2010. С. 6.

рой “колонии” питались соками, выжимаемыми из “метрополии”. Это по существу.

А если строго юридически, – а именно так и только так следует подходить к термину, если он используется для формирования государственной правовой системы, – то здесь следует опираться на те общепризнанные международные правовые акты, которые действовали в тот период. Был ли такой документ в тот исторический период? Такой документ был, и можно быть уверенным, что авторы оккупационной концепции знали о его существовании. IV Гагская конвенция от 18 октября 1907 г., подписанная 44 странами, рассматривает **оккупацию как последствие международного военного конфликта**, т.е. оккупации должны предшествовать военные действия между государствами. Оккупированной считается территория противника, занятая в ходе войны или военного конфликта. Именно так оккупацию определяет ст. 42 в разд. III “О военной власти на территории неприятельского государства”. Так же трактует понятие “оккупация” и более поздний международный документ – Женевская конвенция “О защите населения во время войны” от 12 августа 1949 г.

Но в 1939–1940 гг. между СССР и Латвией, СССР и Литвой, СССР и Эстонией не было ни вооружённого конфликта, ни военных действий. Следовательно, исходя из определения, зафиксированного Гагской конвенцией, не было и оккупации. Других документов в системе международного права, определяющих понятие “оккупация”, не было. Всё происходящее имеет своё место и своё время. По нормам международного права, действовавшим в 1940 г., термин “оккупация” неприменим к вхождению Прибалтики в состав Советского Союза. Международное право, если уйти от юридической дефиниции, – это определённые, принятые международным сообществом договорённости, которые отражают существующий в мире баланс политических сил. Когда этот баланс меняется, а на политической арене мира появляются новые игроки, предпринимается попытка сформулировать новые договорённости. В конце 80-х годов в политическом обиходе появился термин “мирная оккупация” (не связанная с войной, *non-belligerent*). Это – оккупация в условиях мирного времени, что трактуется как ввод войск на территорию государства без согласия, без соответствующих договорённостей между государствами, т.е. насильственное присутствие войск.

Подходит ли это определение под события 1940 г., или, иными словами, можно ли применить

термин “оккупация” задним числом? Анализируя ситуацию, сложившуюся для СССР на его западных границах в начале лета 1940 г., необходимо учитывать, что в тот момент кардинально изменилась международная обстановка по сравнению с летом 1939 г. 9 апреля 1940 г. капитулировала Дания, за пять дней германский вермахт завоевал Голландию, за 19 – Бельгию, за два месяца – Норвегию, а 14 мая пал Париж. После того как фактически вся континентальная Западная Европа за короткий срок была оккупирована Германией, началось интенсивное сосредоточение германских войск в Польше (35 дивизий) и Восточной Пруссии (12 дивизий), т.е. непосредственно у границ Советского Союза. Следует добавить, что весной 1940 г. в Восточной Пруссии была объявлена дополнительная мобилизация. Поэтому требование увеличить численность советских гарнизонов, расквартированных в Прибалтике, обращённое к Латвии, Литве и Эстонии, в этих условиях было естественной реакцией СССР. Эта мера была продиктована интересами национальной безопасности СССР в ситуации реальной угрозы войны, что вскоре и подтвердилось. Ведь главная цель нацистской Германии, как неоднократно декларировалось руководителями третьего рейха, было уничтожение СССР. Эта идея была сформулирована Гитлером ещё в его “Mein Kampf”. 11 августа 1939 г., т.е. накануне подписания Договора о ненападении между СССР и Германией, Гитлер в беседе с последним комиссаром Лиги наций в вольном городе Данциге К. Буркхардтом в очередной раз откровенно высказал суть своих будущих замыслов: “Всё, что я собираюсь сделать, направлено против Советского Союза... Я вынужден заключить соглашение с Советским Союзом, после же нападения на Запад и его поражения я поверну все свои военные силы против Советского Союза”¹⁰. Какое уважающее себя государство не приняло бы необходимых мер для обеспечения своей безопасности?

Советское правительство выдвинуло правительствам Прибалтийских республик требования увеличить численность гарнизонов, находившихся там в соответствии с договорами о взаимопомощи, подписанными в 1939 г. между СССР и Эстонией (28 сентября), между СССР и Латвией (5 октября), между СССР и Литвой (10 октября). Многие прибалтийские историки справедливо отмечают, что это были жёсткие требования, советские исследователи не менее справедливо полагают, что они были весьма необходимы в той

¹⁰ Burckhardt K. Meine Danziger Mission 1937–1939. München, 1960. S. 348.

конкретной ситуации. Но для правовой оценки эти различия не имеют значения. Важно то, что правительства стран Балтии **согласились** с советскими требованиями.

В этом их принципиальное отличие от многочисленных других акций, осуществлённых воюющими сторонами тогда, в начале 40-х годов, в том числе – вступление английских и советских войск в Иран, высадка американских войск в Марокко **без согласия** правительства этих стран, захват острова Мадагаскар, принадлежавшего не участвовавшей в войне вишистской Франции и т.п. Великие державы часто игнорируют правовые нормы даже не в условиях войны, а в мирное время, когда это диктует национальная стратегия, как это сделали, например, США, захватившие в октябре 1983 г. вооружённым путём Гренаду.

Тогда ввод десяти дополнительных стрелковых дивизий и семи танковых бригад в Латвию, Литву и Эстонию **по согласию** с правительствами этих стран многие западные специалисты расценивали как вынужденную меру обеспечения безопасности СССР. Так, глава британского МИДа Э. Галифакс считал, что “концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера”¹¹. Аналогично восприняли эту акцию даже главы дипломатических представительств Германии в Латвии – фон Котце и в Литве – Э. Цехлин. Можно сказать, что правительствам стран Балтии ничего не оставалось, как принять требования СССР. Но ведь они их приняли – в отличие от Финляндии, которая эти требования отвергла и не побоялась защищать свою независимость с оружием в руках. При этом необходимо подчеркнуть, что страны Балтии (вместе взятые) располагали вооружёнными силами значительных размеров, во всяком случае превосходящими финские (согласно данным латвийского историка-эмигранта Э. Андерсона страны Балтии имели более 900 орудий, 107 танков, 410 самолётов, а в случае всеобщей мобилизации – население Финляндии в 1940 г. составляло ровно половину населения трёх стран Балтии – могли выставить 600 тысяч солдат¹²). Кроме того, в этих государствах существовали военизированные добровольные организации: в Латвии – “Айзсардзе” (19 уездных, один железнодорожный и один авиационный полк), в Литве – “Шаулю Саюнга” (20 полков), в Эстонии – “Кайтселийт”, состоящая из 16 дружин. В сумме это составляло свыше 150 тыс. человек. Кроме того,

у части местного населения договоры с СССР породили вполне определённые надежды. Экономические трудности, вызванные войной, способствовали росту недовольства авторитарными режимами, возникшими к середине 30-х годов в результате военных переворотов в этих странах. Надежды на благоприятные перемены, возможно, не были столь велики, как считали тогда в СССР, но то, что левые получили весьма существенный импульс для активизации своей деятельности, не вызывает сомнений.

Разумеется, Советский Союз не упускал возможности, чтобы оказать давление на страны Балтии, используя тактику кнута и пряника. Так, осенью 1939 г. была установлена блокада морского побережья Эстонии, сопровождавшаяся вторжением советских кораблей в территориальные воды Эстонии, что можно было квалифицировать как признак агрессии. Но для этого у советского правительства был безупречный формальный повод: 18 сентября, когда уже началась советско-польская война, из таллиннской военной гавани была отпущена польская интернированная подводная лодка. Москва, опасавшаяся возможных действий этой подводной лодки против советского судоходства, возложила ответственность на Таллинн и установила морскую блокаду Эстонии. 24 сентября для подписания договора о торговле эстонский министр иностранных дел К. Сельтер выехал в Москву на переговоры с В.М. Молотовым. В ходе переговоров К. Сельтеру было предложено заключить договор о взаимной помощи, который обеспечил бы Советскому Союзу право иметь на территории Эстонии опорные пункты или базы для флота и авиации. Вернувшись в Таллинн, К. Сельтер попытался получить поддержку Германии, но германский посланник посоветовал принять советские требования¹³. 27 сентября 1939 г. эстонская делегация вернулась в Москву, и в тот же день в газете “Известия” появилась официальная информация о советско-эстонских переговорах, а московское радио сообщило о потоплении в Финском заливе неизвестной подводной лодкой советского судна “Металлист”. После этого эстонцам ничего не оставалось, как подписать договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод контингента советских войск численностью в 25 тыс. человек. Что касается “пряника”, то в этом качестве Москва использовала Виленский край в отношениях с Литвой. СССР настаивал на подписании договора и размещении войск, намекая, что в противном случае Вильнюс

¹¹ PRO. Cab. 65/7. P. 2557.

¹² См.: *Andersons E. Latvijas vēsture. Ārpolitika II 1920–1940.* Stockholm, 1984. P. 211.

¹³ См.: От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 135–139.

может быть передан Белорусской ССР. Перед литовским правительством встал вопрос: подписать требуемый договор с размещением гарнизонов и получить Вильнюс и Виленский край или не подписывать договора, ничего не получить и вступить в конфликт с СССР. Литовцы выбрали первый вариант (что увеличило территорию Литвы на 35%), и 10 октября договор был подписан. Российские историки С. Волков и Ю. Емельянов справедливо полагают, что «эти договоры не были бы подписаны правительствами Латвии, Литвы и Эстонии, если бы они не знали, что Германия отказалась от своей гегемонии в Прибалтике»¹⁴. Тактика советских руководителей заключалась в использовании всего арсенала средств воздействия на соседей, чтобы обеспечить свою безопасность, а тактика руководителей Прибалтийских государств – в том, чтобы стараться не обострять отношений с СССР, надеясь когда-нибудь в будущем избавиться от советской опеки, что определило их согласие на ввод дополнительных частей Красной Армии на свою территорию. В те дни среди значительной части населения Прибалтийских республик вновь оживились опасения, что после победы на Западе Германия возобновит экспансию на Восток, что сделает эти страны театром военных действий.

В общественных настроениях стран Балтии особенно остро воспринимаются события лета 1940 г. Анализируя правовую сторону событий этих дней, необходимо последовательно и подробно рассматривать шаги, предпринятые официальными структурами стран – участниц этих событий. Политическая обстановка в те дни была чрезвычайно сложной. В этой связи можно указать на эпизод, характеризующий ситуацию в странах Балтии, сложившуюся к данному моменту. Общественные настроения там разделились: большинство правящих кругов опасалось германской угрозы, но были и прогерманские группы. Так, вопреки позиции Президента А. Сметоны правительство Литвы дало положительный ответ на советские требования увеличить свои военные гарнизоны. Но ответ был дан утром 16 июня, а вечером 15 июня 1940 г. А. Сметона отправил в отставку премьер-министра А. Меркаса, после чего бежал из страны. Но по существовавшим и тогда, и теперь правовым нормам отправленный в отставку Кабинет министров исполняет свои обязанности, пока не утверждён новый кабинет. Поэтому с правовой точки зрения официальная позиция Литвы в отношении советских требований не может быть оспорена. И хотя Президент

Литвы А. Сметона, находившийся к тому моменту вне своей страны, отказался принять советские требования и высказался за вооружённое сопротивление Советскому Союзу, это уже не имело не только юридического, но и политического значения: на призыв сопротивляться никто не откликнулся. Получив советские требования, А. Сметона настаивал на сопротивлении Красной Армии и отводе литовских войск в Восточную Пруссию, но командующий войсками генерал А. Виткаускас, получив поддержку антигермански настроенных офицеров, не стал этого делать. Президент Латвии К. Ульманис обратился к германскому посланнику фон Котце с просьбой разрешить правительству и армии эвакуироваться в Восточную Пруссию, но также получил решительный отказ.

Всё это свидетельствует о том, что у Прибалтийских республик не было, по существу, никакой реальной альтернативы, кроме принятия советских требований или сопротивления, как это сделала Финляндия. Правительства Прибалтийских стран приняли советские требования, и соответствующие соглашения были ими подписаны. Следовательно, и в этом случае правовые нормы при увеличении численности советского воинского гарнизона не были нарушены. Поэтому, даже если оперировать международными нормами не 40-х, а 80-х годов, то и мирной оккупации не было. Помимо точного определения термина в международно-правовой литературе существует система признаков, его характеризующих. Вот общепризнанные основные: во-первых, временный характер этого состояния; во-вторых, обязательное наличие ущемления прав населения оккупированной территории; в-третьих, обязательное принятие государством на себя функций управления, установление специальной администрации на оккупированной территории. Как процесс вхождения в состав Советского Союза, так и нахождение в нём республик Прибалтики не отвечают указанным признакам. Латвию, Литву и Эстонию в 1940 г. не оккупировали, а при активном содействии местных компартий и поддержке части населения присоединили к Советскому Союзу. Формально даже не по инициативе Кремля, а по просьбе парламентов этих стран. И летом 1940 г. это вовсе не противоречило общественному мнению в этих странах, которое опиралось на реальную ситуацию в Европе того времени. Выбирать приходилось из двух зол. Руководители Латвии, Литвы и Эстонии взвешивали возможности сохранения для своих стран государственности, и они эти достаточно скромные возможности, как это им представлялось, использовали.

¹⁴ Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990. С. 170.

Летом 1940 г. включение в состав СССР для Прибалтийских стран представлялось меньшим из двух зол, и именно поэтому они предпочли такой вариант, ибо независимость нельзя было сохранить ни при каких условиях. Вот почему, имея обученные и оснащённые армии, Прибалтийские государства даже не предприняли попыток постоять за свою независимость, как это сделала соседняя Финляндия, — они мирно вошли в состав СССР. А в 1945 г., после окончания войны, СССР вернулся к тем своим границам, в которых её начинал в 1941–м. Кстати, с полного согласия Англии и США, что и было зафиксировано в документах Ялтинской конференции.

Многие западные исследователи не разделяют “оккупационную доктрину”. Известный немецкий специалист по международному праву М. Виганд считает, что включение государств Балтии в состав СССР было “принудительным, но не насильственным”¹⁵. Его соотечественница К. Тиле также отрицает правомерность термина “оккупация” применительно к событиям 1940 г.¹⁶ Такого же мнения придерживается и известный британский обществовед Д. Ливен. С этим весьма популярным в странах Балтии автором связан весьма показательный эпизод. Эстонский историк М. Граф, особенно энергично и последовательно пропагандирующий “оккупационную доктрину”, в недавно вышедшей книге для обоснования своей позиции особенно часто делает ссылки на Д. Ливена¹⁷. Действительно, Д. Ливен со всей суровостью осуждает преступления И. Сталина. Но при этом англичанин нигде не употребляет термина “оккупация”, пользуясь другим термином — “аннексия”. Но М. Граф, однако, не замечает этой “мелочи”.

Некоторые современные русские исследователи также называют включение Прибалтийских республик в состав СССР аннексией. Эту оценку разделяет член русской фракции эстонского парламента в 1994–1999 годах, проф. Тартуского университета С. Исаков¹⁸, хотя термин “инкорпорация” представляется, на мой взгляд, более точным. Этим термином пользуются и многие бал-

тийские историки, в частности А. Зунда, который пишет, что “Балтийские государства были инкорпорированы в Советский Союз с молчаливого одобрения Британии”¹⁹. Следует подчеркнуть, что в странах Балтии есть немало серьёзных историков и юристов, которые имеют свой собственный взгляд на события 1940 г. и который во многом расходится с нынешней “генеральной линией”. Например, тартуские М. Синиярв, Л. Мьялскоо²⁰, таллинские М. Ильмъярв, проведший серьёзное исследование о К. Пятсе (книга “Молчаливая капитуляция” в ближайшее время выходит на русском языке), Э. Соовик, который изложил свои взгляды на эту проблему в статье “Вопрос не в МРП (*Molotov–Ribbentrop–Pakt*), а в агрессии”²¹, рижские В. Блужма, И. Бишерс и др. Разумеется, их голоса не так слышны в общем хоре. Более того, они могут быть подвергнуты санкциям. Вот показательный пример. В конце 1991 – начале 1992 г. возник конфликт между будущим первым Президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Л. Мери, получившим пост министра ещё в апреле 1991 г., т.е. при советской власти, и его заместителем – известным правоведом-международником, проф. Р. Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р. Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришёл к выводу, что юридически оккупации не было, все соглашения с Советским Союзом были подписаны Президентом К. Пятсом – легитимным тогда главой государства – без каких-либо оговорок, комментариев или последующих дезавуирующих заявлений. Такой вывод не устраивал министра. Р. Мюллерсону был устроен разнос, и он был изгнан со своей должности. Разгорелся скандал, так как министр не имел права увольнять своего заместителя без санкции Верховного Совета республики.

Этот эпизод достаточно убедительно характеризует ситуацию, сложившуюся в Прибалтике после распада Союза. Здесь идея “оккупации” канонизирована. На её основе построена вся система правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии. На ней воспитано уже поколение молодых граждан этих стран, которые “оккупацию” впитали в себя с молоком матери. Слово “оккупация” зацементировалось в головах людей. Это напоминает те сказки об “ужасах” царской России, в которые свято верили

¹⁵ Цит. по: Биркенбах Х.-М. Расследование фактов как средство превентивной дипломатии (Взгляд международных организаций на конфликт по вопросу гражданства в Эстонии и Латвии). М., 1998. С. 53.

¹⁶ См.: Thiele C. The criterion of citizenship for minorities: The example of Estonia / European Center for Minority Issues. Working, 1999. P. 8.

¹⁷ См.: Граф М. Эстония и Россия. 1917–1991. Анатомия расставания. Таллинн, 2007.

¹⁸ См.: Исаков С. Основные этапы истории русской общины в Эстонии // Диаспоры. № 3. 2002. С. 63.

¹⁹ Зунда А. Страны Балтии и Соединённое королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.) // Международный кризис 1939–1941 гг. С. 458.

²⁰ См.: Lauri Mälksoo. Nõukogude anneksioon ja riigi jarjepidevus. Tartu Ülikooli Kirastus. Tartu, 2005.

²¹ Eesti Päevaleht. 2005. 31 янв.

советские люди, рождённые после 1917 г. Сработал известный принцип индоктринирования массового сознания, которым так любят пользоваться идеологи тоталитарных режимов. Но, главное, у титульных этносов Балтии эта проблема из когнитивной, логической, рациональной сферы давно перетекла в сферу эмоциональную и иррациональную. Поэтому любая попытка рассмотреть данный вопрос спокойно, в академическом ключе оказывается бесполезной, так как вызывает бурную неадекватную реакцию. Это расценивается среди многих латышей, литовцев и эстонцев как покушение на национальную святыню, как кощунство, что можно сравнить с реакцией многих советских людей на вышедшую в конце 70-х годов книгу В. Суворова “Ледокол” или на попытку некоторых филологов установить подлинность “Слова о полку Игореве”. Прикосновение к национальным святыням — это всегда весьма болезненный процесс.

Одним из любимых аргументов адептов “оккупационной доктрины” является присутствие советских воинских частей в момент проведения парламентских выборов в июле 1940 г. Действительно, во время парламентских выборов там находились части Красной Армии. Но они присутствовали на основе межправительственных соглашений. А вот во время парламентских выборов в 2005 г. в Ираке там находилась 300-тысячная армия США и их союзников. И при этом не на основе межправительственных соглашений, а в результате прямых военных действий, т.е. оккупации, в строгом и точном значении этой дефи-

ниции. Мировое сообщество между тем никогда не подвергало сомнению легитимность этих выборов. Полемизируя со сторонниками оккупационной доктрины, упоминавшийся выше директор Института истории Таллиннского университета проф. М. Ильмъярв заключает: “Потеря странами Балтии независимости была следствием общеевропейского глубокого международного политического кризиса”²². Что же касается оккупационной доктрины, то она позволила национал-радикальным политикам стран Балтии периодически высказывать финансовые претензии к России в качестве компенсации за оккупацию, а главное, создать государственное устройство на этнократической основе. В соответствии с существующим гражданским законодательством все те, кто приехал в Латвию и Эстонию после войны, и их потомки в соответствии с принятым в начале 90-х годов законодательством не могут считаться национальными меньшинствами, они — следствие советской оккупации со всеми вытекающими последствиями. Отсюда запреты на профессии, лишение избирательных прав, ограничение в приватизационных процессах и т.д. Развивая высказанную М. Ильмъярвом мысль, можно сделать вывод, что наличие на основании “оккупационной доктрины” сотен тысяч лиц без гражданства в XXI в. в центре Европы является свидетельством глубокого гуманитарного кризиса.

²² Ильмъярв М. Балтийские страны в 1939–1940 годах: замыслы и возможности // В кн.: Международный кризис 1939–1941 гг. С. 282–293.